

Владимир Сохатый
ПОИСК

сентиментальных ТОНОВ

18+

Владимир Михайлович Сохатый

Поиск сентиментальных тонов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73013217

SelfPub; 2025

Аннотация

Многие термины , при различном их употреблении, теряют чёткость. Определить их точнее бывает сложно. Легче привести иллюстрирующие их примеры.

Владимир Сохатый

Поиск сентиментальных тонов

К учителю.

Мои писания никакое не творчество, а чистой воды графоманство. Жизненные неудачи оставляют тяжесть поражения. Тогда я сажусь – пишу страниц десять, и успокаиваюсь, выливая гнусь из души моей на листы бумаги. Идут дела мои хорошо – я забываю про тетрадки и самопишущую ручку. Случается мне найти свои записки и перечитать – краснею от смущения за неловко исписанные страницы. Всё плохо: фраза суконная, повторы какие-то идиотские, мысль убога, да это и не мысль, собственно, а скорее жалоба на ущербное моё существование.

Почерк мой – курица наскребла лапой. Прочесть невозможно. Иной раз весь абзац не разберёшь, да ещё начиркано, слова стрелками с полей вставлены в текст – кошмар, одним словом. Приходило мне в голову, и не однократно, почистить хотя бы несколько страничек, довести их до читабельной формы, не для кого-нибудь, а так, для самого себя. Будет что почитать с приятностью на старости лет. Но ведь это труд, учитель, невероятный труд, а мне надо душонку

свою излить гнусную. С листьями этими я зализываю раны свои. Коли таковых нет, то просто сижу, отдыхаю, лениво катаю шарик с пастой по бумаге, получая удовольствие от регистрации каких-нибудь малозначимых событий.

Не мне Вам объяснять, что между графоманом и человеком пишущим, а тем более живущим с пера, за счёт публикаций своих, огромная разница: одному важен конечный результат, а другому только сам процесс.

От своего бумагомарания, я получаю и другую пользу, возможно значительно превосходящую первую: не умея создавать свои тексты, я учусь, благодаря получаемому опыту, вдумчиво читать и лучше понимать чужие. Не могу сказать о себе, подобно Вам, что я великий читатель, к сожалению, и в этом я достиг не многого, но я прогрессирую: моё чтение становится разнообразнее и глубже. В последнее время, оно обретает некоторую системность и направленность. Это меня радует.

Как и все дилетанты, я придаю большое значение форме, и надеюсь без особого вреда, для её содержания.

Наслаждение, получаемое от книги, это не только радость, полученная от приобретённого знания. Прочувствованное чтение сродни истинному искусству. Как приятны уже сами подготовительные действия! Необходимо точно рассчитать время и оборудовать место. В этом общение с книгой напоминает общение с женщиной. Не станете же вы переламывать приятную даму в несоответствующей её прелести

обстановке. Нужен, если не изысканно оборудованный альков, то хотя бы, романтический сеновал; и чтобы свиристели птицы, отвлекая внимание от колющей зад соломой.

Глубокое вольтеровское кресло или убранный мягкими подушками кровать, тёплый плед, укрывающий ноги, мягкий халат или пуловер шетланской шерсти, согревающий грудь, располагают для совершения воображаемого путешествия как по толще времени, так и по громадности пространства. Уют обстановки скрадывает остроту любой проблемы. Движение, совершаемое для постижения истины, делается точнее, оно становится взвешеннее и приятнее.

Дневное чтение разительно отличается от вечернего. Днём лучше идут тяжёлые философские, требующие сосредоточения, писания. Вечер требует чего-то лёгкого, изящного. Удел глубокой ночи – махровая таинственность, мистика. Я, практически, не могу читать ранним утром: грядущий день беспокоит меня возможным разнообразием своего развития – мысли о нём вплетаются в ткань читаемого текста.

Какое-то время я с особенным наслаждением предавался чтению на дачной веранде. Цветущие яблони склоняли надо мной свои ветви. Поднималась молодая трава. Я не косил её, предпочитая первозданную дикость причёсанной ухоженности. Щебетали птички, веял лёгкий ветерок, и толстый рыжий кот поглядывал на меня из куста смороды. Но что-то, несмотря на прекрасный чай, заваренный на родниковой воде, создавало дискомфорт.

Созрели яблоки, и я понял, в чем дело. Я видел рост и увядание растений, но садовый заборчик ограничивал пространство. Меня грело камерное солнышко, такое же маленькое как мой участок. Цветочки, ягодки, кустики, деревца, всё это, было мелким, искусственно огороженным от остального пространства: пойманное, опломбированное и опечатанное время получал я в книжном переплёте. Такая обстановка подходила не для всякой книги.

На следующий год я выбрал место на берегу моря, и всё приобрело другое значение. Могучие валы равномерно накатывались и равномерно отступали от прибрежных скал. Небо, то серо грозовое, то ляпис лазурит, непрестанно переменялось. Успокаиваясь, море не фиксировалось, не становилось статичным как фотография. Сменяющие друг друга кинофильмы закатов – каждый новая серия, были прекрасным фоном для великих книг. В такие минуты душа готовится к восприятию вечности.

Ветер не всегда ласкает этот берег. По несколько дней кряду он дует, качает ветки деревьев, растущих вдоль пляжа. Крутит из песка маленькие смерчи. Валы грохочут, разбиваясь о прибрежные камни. Хочется бежать, искать покоя.

За домом разбит газон, посажена жимолость и акации. Когда мне надоедают удары разбушевавшейся стихии, я устраиваюсь там, в мягком шезлонге и выбираю спокойное чтение.

Учитель, Ваши книги вызывают у меня возвышенное отношение. Обложки тех, что у меня есть, я обернул снача-

ла чистой белой калькой и загнул её на краях – так нас заставляли в школе поступать с учебниками, чтобы их углы не трепались. У хорошего знакомого, шьющего куртки, я купил несколько дециметров кожи, нарезал их по линейке бритвой, и приспособил как обложки. Мои друзья, сочувствуя моему увлечению, познакомили меня с профессиональным переплётчиком. Я решился отдать ему ваши книги в работу. Получилось дороговато, но оно того стоило. Обложки будут выполнены из тончайшей лайки, каждая с определённым оттенком, от светло желтого, до коричневого, бардового, и до почти чёрного. На них будет теснение и рисунок.

Если бы меня спросили – каким я себе представляю рай? Я бы выделил ваше на меня влияние: райские кущи – это ряды книжных полок, разделённые таинственными закутками коридоров. Рай – это бесконечно большая библиотека. Я постарался бы занять место ближе к полкам, на которых размещены ваши книги. Мне бы вполне достало небольшой тусклой лампы и возможности никуда не спешить; читать, сколько вздумается и что захочется, произвольно выбирая нужные книги с полок. Я не боюсь заблудиться в бесконечном лабиринте переходов, и не смущаюсь устрашающим количеством книг на высоких стеллажах, до верхних полок которых трудно добраться по нетвёрдым лестницам.

Я блаженствую неторопливо, раздумчиво перемещаясь от одной страницы к другой, от одного текста к другому. Если бы иногда я мог общаться с такими же книголюбями, как и я и

подходить к окну, за которым, я наблюдал бы мерно катящиеся к отлогому пляжу волны, и был бы уверен в непрестанном поступательном движении времени, моё счастье было бы полным.

Учитель, моё отношение к Вам, удивительно. На него не влияют многие тысячи километров, разделяющие нас: Буэнос-Айрес находится далеко от Санкт-Петербурга. Между нашими городами земной шар. Моему отношению к Вам не мешает разница языков: Вы пишете на языке, который я не понимаю. Мне вполне достаточно перевода, выполненного, возможно, не лучшим образом, но будящего во мне необычайное волнение. Этот слепок даёт мне возможность представить себе ваши произведения.

Я знаю всего несколько испанских слов: наваха, мелонга, тореадор, коррида, но мне их достаточно, чтобы представить чарующее звучание Вашего языка. Не знание которого, не мешает мне Вас понимать. Это является иллюстрацией нашего грядущего единства – того, что человечество сливается в единое целое, способное исповедовать общие идеалы.

Ничто для меня и разница во времени, проведенная, между нами, неодолимую черту. Я никогда не увижу, как вы поднимаетесь на кафедру, чтобы прочитать почтительно приготовившимся ученицам, прекрасную лекцию по литературе. Смерть не разделила нас и не уничтожила возможности понимания. Частичка постигнутой Вами истины досталась и мне, что для меня важно.

Время загадочная, и, если хотите, даже зловещая категория. Его скоротечность и необратимость приводят меня в отчаяние. С протяжённостью, в силу её постоянства, можно бороться. Обмануть время не удалось никому. Двигаемся мы быстро, или сидим в полном бездействии, предаваясь истоме и неге, время неукротимо продолжает свою опустошительную работу.

В вечности скрыта дурная повторяемость и указана опасность растяжения монотонной реальности на долгие тысячелетия. Нельзя не согласиться с этим. Но неплохо бы сделать и следующий шаг: овладеть этой растянутой повторяемостью. Это такой же этап, как прочие. Я не попадаю в когорту вечно живущих, и принимаю свой удел смиренно, и радуюсь за тех, кто обретёт вечность, радуюсь за них искренно, без тени зависти и горечи, и сожалею только о том, что перед ними явятся связанные с этим проблемы.

Желания подпольно просочиться в вечность, у меня нет. Конечность своего существования я принимаю как должное.

Учитель, когда листы с моими записями сложились в увесистую тетрадь, я подметил в них определённую тенденцию: они не похожи внешне, но содержат похожий подход к различным явлениям, некий общий метод и я опасаясь, что неточности его определения в дальнейшем вызовут непонимание. Добавлю всего несколько слов.

Первое впечатление от столкновения с необычным бывает по-детски наивно. Нередко оно бывает сентиментально.

Для меня в этом состоит важная проблема. Я сомневаюсь в своём понимании этого слова. Сентиментальность – что это такое? Излишняя, доходящая до неприличия эмоциональность, некая чувствительная гипертрофированность; любовь – безумная своей чрезмерностью. Так, что ли?

Бывает, что отношения между людьми мне нравятся и кажутся вполне приемлемыми, как, вдруг, оказывается, по словам какого-нибудь автора, что это сентиментально, недостойно внимания. Я, например, сочувственно отнёсся к юному Вертеру, несчастная любовь которого не могла осуществиться, а чувства его считаются чрезмерно сентиментальными и потому недостойными человека мужественного, хозяина своей судьбы. Такое понимание страданий молодого человека пошло для меня вразрез. Я отношусь недоверчиво к авторам иных литературоведческих писаний.

Учитель, решение обратиться к Вам, далось мне не просто. Но технический прогресс облегчил мне задачу. Всеобщая компьютеризация позволяет легко представить в печатном виде любой текст, а мыло, позволяет мгновенно перенести его в любую точку земного шара и воспроизвести на удобном экране монитора. Мои сомнения в отношении качества моих литературных опытов познакомили меня с людьми, мучающимися теми же проблемами. Я включил их писания, вместе со своими, в одну папку, и решаюсь отправить её Вам для прочтения и оценки.

Уповаю на Ваше доброе отношение.

Бригантина ушла рано утром. Матрос лениво спустился по трапу и отдал кормовые швартовы. На палубе появились двое с фанерными чемоданами в руках. Третьего вывели под руки, и боцман уважил его на прощание башмаком пониже спины. Сделано это было умело: человек мотнулся по трапу вниз и с трудом удержался на ногах.

Судно отвалило от причала на двух киверах и тихим ходом пошло по гладкой бухте. Вовремя раздалась отрывистая команда – взметнулся грот и забрал свежий ветер. На открытой воде поставили еще парусов, и судно подмяло под себя океанскую волну.

Двое расположились на берегу под деревом, раскрыли чемоданы, достали бутылку и разлили в железные кружки. Третий приблизился нерешительно и сел на траву в нескольких шагах от них. К ногам он положил свои пожитки, замотанные в тонкое суконное одеяло. Двое выпили, не обращая на него внимания.

– Вот так, – произнес один из них, – попал на приличную посудину и как все паршиво обернулось. Видел, как он судно вывел? Работают в пол команды, остальные спят – сукины дети. Соображающий человек стоит на мостике: ушел из большого порта, отстоялся в этой дыре, команда, все прихваченное с собой, выпила; проветрили похмелье, поправили такелаж, починили что требовалось. Побегут теперь на свежем ветре с трезвыми головами на надежной посудине. А

мы тут куковать остались с этим дурнем.

Напарник его, не отреагировал на сказанное.

– Эй ты, святоша, – продолжил говоривший – иди, выпей стаканчик, промочи горло. Или твой Господь этого не позволяет.

Он был физически крепче остальных, лучше одет и, пользовался авторитетом.

– Не слушали бы мы твою болтовню – были бы при деле. А теперь, как нам из этой дыры выбраться?

Судно, увлекаемое ветром, уходило все дальше. Поверхность воды поглотила оставленную им дорожку.

– Иди, выпей – не по-человечески сидеть в стороне. Зла мы на тебя не держим.

Его сосед достал шмат колбасы и буханку хлеба, раскрыл перочинный нож, отрезал на каждого и доложил к трапезе головку чеснока. Подошедший к ним встал, потянул свой узел и уселся поближе к разложенной на траве холстине с едой. Говоривший, поставил еще одну кружку и налил во все.

– Вот видишь, как иногда получается: уже раскатали ва-режку увидеть дальние берега и удивительные страны, а остались ни с чем. Не трепал бы ты языком про счастливую жизнь под пальмами с грудастыми папуасками на южных островах, там бы в скорости и оказались. Где теперь найдешь приличный парусник, с боцманом, не мордующим матросов?

– Не кори меня, – проговорил третий распухшими от боцманской медицины губами, – мне и самому это плавание позарез нужно было. Да не сложилось. У меня многое по жизни не складывается.

Первый осмотрел его тощую фигурку критически:

– Не выгорело бы у тебя твое поселение, райские кущи на земле не построишь, так отъелся бы, по крайней мере. Поступил бы потом на приличный пароход кочегаром – это приличнее, чем корячиться портовым грузчиком.

Уходящее судно стало похоже на игрушечный кораблик. Допили бутылку. Двое устроились головами на своих чемоданах, а третий встал и пошел к воде; походил по берегу, посмотрел в голубое небо, умылся, достал из своего куля тетрадь и записал что-то.

– Дурак, ты – оценил его действия третий, – наблюдавший за ним в пол глаза, – хорошо еще, что боцман про твою тетрадку с записями про божественное не знал – он бы тебе вколотил её куда следует.

Солнце взошло в зенит, когда ровное шуршание шин дорогого автомобиля, подкатившего к пирсу, разбудило их. Компания зашевелилась: двое сели, а третий перевернулся на другой бок. Женщина за рулем долго всматривалась в море, постукивая длинным ногтем по баранке. Потом открыла дверь, вышла, обошла машину, достала из багажника крепкие башмаки, переобулась. Туфельки лодочки, бросила в багажник и неторопливо пошла вдоль берега.

– Поднимайся святой народ, – скомандовал первый, – до города четырнадцать верст. Ближе ни еды, ни питья. А бывшая краля, судя по всему, нас туда не подвезёт.

Они взвалили пожитки на плечи и не спеша побрели к асфальту.

Около часа у автомобиля, с блестящими боками никого не было. Наконец появилась его хозяйка. Уверенно открыла багажник и переобулась в узкие лодочки. Последним, долгим взглядом окинула водную гладь.

– Воды слишком много, – подумала она, запуская мотор. Железный зверь рванул с места, разбрасывая колёсами камешки.

– Согласись святоша, что эта краля не похожа на самари-тянку, готовую сбегать для нас за водой. – Сказал первый, когда авто, дыхнув на них выхлопными газами, исчезло за поворотом.

Бледное лицо второго дернулось:

– Да и мы не святые апостолы, – процедил он и цыкнул слюной сквозь зубы.

Кэп не слушал своего помощника. Всё, что тот говорил, он прекрасно знал. Долгая жизнь на морях приучила его не доверять рапортам подчинённых. Капитан внимательно следил за состоянием судна и, сейчас, его интересовал только один пункт, как правило, идущий последним – настроение команды. Вчера боцман избил одного матроса, запер его в каюте, приставил охрану к двери, и приказал ему не общать-

ся с ни с кем из команды. Всё это представлялось кэпу более чем странным: боцман был незлобивым человеком. Этих троих он сам привёл на судно из портового кабачка. Должна была быть какая-то веская причина, чтобы раскровенить матроса. Кэп не терпел неясностей на своём судне.

Помощник замялся, переходя к вчерашнему происшествию. Он сам не понимал, почему боцман ввалился утром к нему в каюту и потребовал, а не предложил или попросил, чтобы запертого им матроса, вместе с его друзьями списали на берег. На вопрос: в чём дело? Боцман отвечал настолько невразумительно, что помощник решил не расспрашивать его и, рассудив, что боцман, который пользуется расположением капитана, стоит трёх прощелыг, неделю назад подобранных в порту, и согласился списать их на берег. Теперь требовалось получить согласие капитана – без чего нельзя было оставить их на берегу.

Помощнику не нравилась вся эта история. Он стоял перед капитаном с глупым видом и объяснял то, чего сам не понимал. Марсовый доверительно шепнул ему, что боцман вспылил после того, как один из троих – тот щуплый – сказал боцману фразу, которую никто не расслышал. Боцман тут же начал его метелить, чередуя прикладывание крепких кулаков то к голове, то к рёбрам; и выпустил бы из него дух, если бы матросы не повисли у него на плечах. Давно не слышали на судне такого отборного мата. Но это не проясняло дело: что именно сказал бродяга боцману, никто не слышал.

Когда помощник рассказал всё это, капитан, казалось, безучастно глядевший на море, повернулся к нему и пронзительно глянул ему в глаза. Помощник довольно ровно доплыл до последнего бакена, выведя закоренелый матросский алкоголизм и лень, двигателем всех неприятностей, происходящих с командой. Кэп молчал какое-то время, рассматривая что-то за спиной помощника.

– Ветер меняется. Уходим завтра с восходом.

Сказал он и пошёл к трапу, ведущему на мостик. Его собеседник облегчённо вздохнул: всем надоела эта не нужная стоянка в пустой, отдалённой бухте. Почистить пёрышки можно и на ходу, не такое уж рискованное их ожидало плавание, чтобы, по уверенному ветру с севера, бежать по весёлым волнам.

На мостике кэп пробыл не долго: дождался, когда помощник скроется в трюме, и пошёл на ют, в каптёрку. Он знал, что боцман там. Время притёрло их друг к другу. Боцман понимал, что объяснения с капитаном не миновать, и создал видимость работы. Он увереннее чувствовал себя на своей территории и перебирал аккуратно сложенные матросские робы. Когда Кэп вошёл, боцман прекратил своё занятие и, крепким башмаком упёрся в канатную бухту в углу помещения.

– Ты не занимался рукоприкладством более семи лет.

– Так точно, сэр, – отозвался по-военному боцман.

– Последний раз ты двинул в ухо малайца, упавшего за

борт, где-то у Сингапура. Тогда мы круто ушли под ветер.

– Да, кэп. Вы превзошли всех. Какой был сделан разворот ради того, чтобы выловить черномазую обезьяну! Я до сих пор с гордостью вспоминаю об этом и по пьяному делу рассказываю в кабаках. Ещё минута и нас снесло бы в сторону. Пришлось бы рисковать офицером и шестью матросами, посылая за ним шлюпку. Задувало прилично, и акул там хватало. Поганое дело, плыть дальше, зная, что за кормой жуют одного из членов твоего экипажа. Не по-человечески как-то.

Привыкший к острой матросской речи капитан не реагировал на слова боцмана.

– Я спишу этого матроса, и тех двоих тоже. Объясни только в чем дело? Ты же привёл их на судно?

– Не спрашивайте меня, сэр. Это хорошо, что вы доверяете своему боцману. Со всяким может такое случиться. Я взял грех на душу. Двое то ещё ничего, но третий! Гандон, каких свет не видел. Спишите, пожалуйста, этого сукина сына, и дружков его вместе с ним. Они пришли с ним и этого достаточно, чтобы вылететь с приличного судна. Не заставляйте меня объяснять, в чём дело. В каком-нибудь южном порту мы с Вами выпьем по стаканчику рома, и я расскажу Вам об этом. А сейчас извините. Идти в море с таким человеком на борту мне нет резона. Да и южным морям лучше обойтись без них.

– Я не люблю загадок боцман, – сказал капитан.

– Пятнадцать лет и три месяца мы с Вами топчем эту па-

лубу. За это время я Вас ни о чём не просил.

– И три месяца говоришь?

– Да и три месяца – я посчитал точно.

– Будет, по-твоему.

Капитан взялся за ручку двери. Он был не уверен, что поступает правильно. Возможно, надо было дожать боцмана и выведать причину его неожиданной ненависти к этой троице. Но боцман вздохнул с облегчением, и это успокоило капитана. В конце концов, пятнадцать лет и три месяца достаточный срок, чтобы поверить своему подчинённому на слово.

Он вышел на мостик. Ветер крепчал и сильнее волновал кроны вязов, растущих невдалеке от пристани. По синееющему небу бежали барашки кучевых облаков. Он вдохнул свежий воздух, пахнувший пенькой и дёгтем, и подумал про себя:

– Странное у меня занятие – ловить ветер. Уже много лет я не провёл на берегу и двух недель, а меня беспокоит только одно: куда и с какой силой дует ветер.

Кэп ещё некоторое время оставался на мостике. Сквозь горловину бухты видна была открытая вода, он ощутил острое желание скорее оказаться на широкой волне. Глаза ему резанул солнечный зайчик.

«Сколько ещё будет в моей жизни таких расставаний, пока не придёт последнее? Быть может, умение угадывать направление ветра обратится в умение понимать человеческую жизнь, или этого не будет, и моя мечта рассеется как туман,

разогнанный угаданным мною ветром. Всё может быть, и пусть оно будет таким, каким оно будет. Помоги мне, Господи, принять это».

Лазурная волна, купающееся в море солнце, кряжистый берег с чахлой травой, раскидистые пальмы, шуршащая листва эвкалиптов, колючий кустарник с невероятно яркими цветами, пленительный треск цикад – всё это вместе с бархатным воздухом, составляло – очарование южных морей.

Багровая сковорода солнца опускалась в море. Тени деревьев обретали таинственный смысл. Перемена происходила быстро – значительнее, чем в северных широтах. Вечерний мрак мгновенно охватывал землю, а утром, также мгновенно, покидал её, не оставляя следов.

Судно стоит в надёжной гавани, и команда отдыхает. Выпущен первый заряд гнетущей чресла похоти, боль физического труда залита крепким ромом. Матросы по двое, по трое разбрелись по небольшому городку, прогуливались, ощущая под ногами твёрдую почву.

Порты сменялись один за другим, как декорации в спектакле. Их роднила бессовестная пестрота и несмолкающий гомон туземцев. Обилие фруктов заменяло обилие выпивки. Плавание проходило без неприятных происшествий.

Капитан посетил портовое начальство, и, как требовалось, консула, того дружественного государства, которое, за отсутствием прямых отношений представляло в этой стране его родину. На берегу ему делать было нечего. Большую часть

времени он проводил на баке. После однообразия морской зыби, вид гавани ласкал глаз. Вечерело и с моря тянуло свежим ветром. Стюард поставил на палубу складной стол и пару парусиновых кресел. Расстелил чуть увлажнённую скатерть, бесшумно расставил высокие стаканы для коктейлей с длинными ложками, бутылку рома, блюдо с фруктами, миску с кубиками льда, и шепнул на ухо капитану:

– Боцман хочет подняться к вам, Сэр.

– Да, зови. Принеси ещё содовой, и спроси: будет он пить ром или предпочитает виски.

– Не беспокойтесь, Сэр, – перебил его хриплый голос поднимающегося боцмана, – старина Боб приучен пить то, что ему наливают. Не гоняйте попусту, уставшего парня, пусть посидит в тенёчке, а мы с Вами поболтаем здесь, на ветерке.

Капитан улыбнулся боцману, кивнул на свободный парусиновый стул и щедро налил ему рома. Боцман присел, сохраняя некоторую напряжённость позы, выпил залпом, закусил долькой лимона и только тогда коснулся спиной стула.

– Отличный рейс капитан.

– Да, всё вроде бы идёт не плохо. Есть с чем ходить по местным портам. Все будут с прибытком.

– У Вас всегда так, что ни рейс, то хороший заработок. Вы удачливы капитан.

Он улыбнулся в ответ, принимая лесть боцмана, как плату за то, что открыто, не таясь от команды, выпивал с ним в свободную минуту. Капитана это не роняло в глазах мат-

росов, а боцману добавляло авторитета. Приятно проводить время, беседуя на свежем воздухе, наблюдая краски недолгого заката и ускоряя ход крови коричневым ромом. Крепкий алкоголь помогает перенести и жару, и холод.

Такие беседы бывали у них и раньше. Спisanная недалеко от родного порта троица, несколько омрачила их отношения, и боцман мечтал вернуть их в прежнее русло. Он знал, что спросит у него капитан, но не спешил выкладывать на стол карты и пространно делился наблюдениями о том, кто как вёл себя во время пережитого шторма.

Капитану это было интересно. Он подбадривал боцмана вопросами, удерживая разговор на интересующей его теме, и подливал рому в стаканы, но не спрашивал о избитом матросе, списанным с судна вместе со своими друзьями. Боцману следовало самому ввести свою шлюпку в русло узкой реки. Расставляя силки, капитан был чуток, и сорвавшееся ненароком слово: малаец – привлекло его внимание. Боцман же осекся, чувствуя себя рядом с водоразделом: ещё шаг, и разговор упрётся в историю со списанными матросами.

– Так что малаец? – спросил капитан.

– Малаец? Тот, которого мы поймали как кашалота. Позавчера я встретил в городе всю стайку. Они рассказали о тех троих списанных в бухте с вязами. Их недавно видели в этом порту. Один из них не хорошо отзывался о нашем судне.

– Надо было посильнее раскровенить его, он вспоминал бы нас с большим удовольствием.

– Недовольство выражал не он, а другой – поздравее. Его я пальцем не тронул и слова грубого ему не сказал. Возникал тощий, длинноволосый такой, с бородкой. Да и стукнул я его всего пару раз. Что ему, божьему человеку от этого сделается?

Боцман замолчал, что-то обдумывая.

– Я так скажу, – продолжил он, набравшись духу, – Вы тогда спросили, за что, и почему я просил списать этих оборванцев.

– Да они, вроде, были, приличными с виду ребятами, – перебил капитан

Он хотел дать понять, что хорошо помнит всю историю.

– Да, торопливо согласился боцман, они и мне поначалу показались приличными ребятами, ведь это я привёл их из портового кабачка. Но, они с подковыркой. Вы уж простите мне мою тогдашнюю вольность. Я вам благодарен за то, что вы меня поняли, но только не...

Он опять задумался. Капитан налил ещё в стаканы, но не подбодрил боцмана. Пусть сам найдёт нужные слова. Подтолкни и он смешается, не пойдёт до конца, выплывет из беседы.

– Вы уж, – сделал боцман ещё один заход на цель, – не взыщите. Я не сдержался. Но тот, которому я врезал, – он буксовал, не понимая, как вообще можно сказать такое, – заявил мне, что он Иисус Христос.

Капитан вскинул глаза.

– Так и сказал: я Иисус Христос, во втором своём пришествии.

– Мне не понятно то, что ты говоришь, боцман!

– Мы разговорились за рюмкой – обычный матросский трёп. Тот, что поздоровее, завёл речь о южных морях. Им хотелось попасть туда, хотелось подзаработать, как и любому бродяге с парусиновым чемоданом. Я был добродушен по пьяному делу. Двое были моряками – это точно. Они ходили раньше на рыбацких посудинах. Видна хватка – не новички на воде. А третий – ни пришей, ни пристегни. Он сказал, что он плотник. Такая работа всегда есть на судне, но он палубы не нюхал, пенька ему руки не тёрла. Прикажи ему подстрогать и поправить – сделает, но всё что-то спрашивает, не понимает. Ему кто-то и говорит: "Что делать-то будешь, когда шторм придёт? Работы – то со снастями много. Завоет так, что и пояснений никаких не услышишь". Он и отвечает: «С этим легко справиться». Ребята только переглянулись. Кто-то его и подколот: не собирается ли он унять бушующие волны? А он и сказал без всякого смущения, так, мол, оно и есть. И заговорил с апломбом, как проповедник с кафедры. Он, видите ли, ищет новый способ как нас бессмертием удивить, и препроводить в царство всеобщей гармонии. Послушали, немного поржали, и подумали: психический.

Боцман опять, рассматривал грань своего стакана, но прошёл паузу и продолжил:

– На следующий день, святоша этот, мне шепнул, чтобы я

на других не косился, а был внимателен. Меня как пронзило – не то, думаю. Это матросикам по боку, а меня же за нижние чины и спросить могут. Что отвечу? Аферист какой-то на судне, ловец удачи. И я позвал его покалякать по душам. На первый взгляд вполне нормальный человек. Есть, правда, в глазах что-то от тупой матросни отличающее, но и среди них народ встречается разный: кто поумнее, кто поначитаннее – не только тельник и бутылка хранятся в матросской котомке. Да и разговоры у людей, повидавших полмира, интереснее, чем у фабричных рабочих. Начал я с ним издали: что да как, откуда родом, кто родители? Он как-то неопределённо всё.... Потом я думаю: чего юлить то – спрошу прямо. Он отнекиваться не стал. «Да – говорит – это мною обещанное пришествие». Ну, я ему и врезал.

Кэп переходил из бара в бар, цепким взглядом осматривая их полутёмные после дневного света углы. Он задерживался, когда его окликали знакомые и выпивал с ними немного пива из вежливости.

Уже вечерело, когда он увидел их в недорогом заведении. Они сидели за столиком в углу и размеренно тянули джинс с тоником. Ему тоже пришлось заказать крепкую выпивку. Уже почти никто не пил пива. Он сел поодаль, но так, чтобы хорошо видеть того, кто его больше других интересовал, одетого в какой-то странный китель – двое других были в широких рубахах.

Он сделал хороший глоток и подумал с иронией, что ещё

не так безнадежно стар, чтобы не искать приключений. Все трое психи, или только один? Внешне они производили впечатление вполне здоровых людей.

— Плохо — с иронией подумал капитан — по-настоящему плохо.

Он не испытал никакого волнения, но ощущал безнадежность своей затеи. Что скажет он этому человеку, дерзнувшему посягнуть на вечное? Извиниться перед ним за грубость боцмана, и заявить, что он думает иначе. Но если это правда, то... какое им дело до боцманской глупости?

В других случаях всё заканчивалось просьбой денег. Этот был особенным. Что ему надо от них? Он уже знал, что не встанет из-за столика, не подойдет к ним, не предложит попростецки поболтать за выпивкой. Он оплатил порцию хорошего джина, и не было никаких причин уходить. Втайне он надеялся, что кто-нибудь из них подойдет, и заговорит с ним, но чем меньше оставалось в стакане джина, тем быстрее таяла его надежда.

Тот, что был здоровее, обернулся и быстро глянул в сторону капитана. Но он не встал и не подошел к нему, не попытался завести беседу, не спросил его, как прошло долгое плавание. Кэп пождал несколько минут, но троица обрела статичность гипсовых изваяний. Тогда он задавил в пепельнице окурок дорогой сигареты и, не прощаясь с барменом, покинул заведение.

— Лучше всего просто уйти от этого, — подумал он, выходя

из бара.

* * * * *

Иконка другого файла была обозначена: О Божественном.

Я упражнялся, печатая при помощи сканера. Устройство плохо работало. Приходилось править слова и вводить не отпечатавшиеся буквы. Страницы были вырваны из журнала «Вокруг света». Приведён был сам факт, и не сказано ни слова более.

К сожалению, журнал этот затерялся.

Лет триста тому назад на одиноком острове, стоящем в стороне от других островов тихого океана, проживало небольшое племя. Условия были вполне сносными для безбедного и неторопливого существования: тёплый климат, обильная растительность. Почва острова, позволяла вести не хитрое сельское хозяйство. Много было прибрежной рыбы. В джунглях на невысоких горах водились дикие свиньи, вполне годные в пищу.

Этот остров был замечен с борта одиноко бегущего по своим торговым делам голландского парусника. Встречи с аборигенами команда не жаждала: по всем флотам уже разнеслись леденящие душу истории о людоедстве, случающемся в южных морях. Высадившийся десант вернулся на корабль. Голландцы подняли паруса и побежали по весёлым волнам с попутным ветром дальше.

Местные жители испугались огромного парусного корабля и спрятались при его приближении. Они поднялись на го-

ру, в центре острова. Камнепадами и обрывами она представляла, надёжную защиту.

Они вели мирное существование. Их островок отстоял далеко от прочих, и жили они без всякого контакта с внешним миром. Каннибальских наклонностей они были лишены. Природа острова была не так бедна, как показалось, посетившим его морякам. В горах, под раскидистыми пальмами, бродили упитанные свиньи, а в прибрежных водах водилось достаточно рыбы.

Письменности у них не было – записей о иномирянах они не оставили. Долгие годы на каждом крупном празднике произносилась хвала чудесному явлению огромного корабля и счастливому избавлению от него. Потом это забылось, ушло в тень более важных событий, также требовавшими освещения. В третьем поколении о нём уже не вспоминали.

Местный живописец работал охрой и попытался на прибрежном утёсе изобразить корабль с туго надутыми парусами, но его талант был скромн, и он не справился с несоответствием размеров корабля и малой плоскостью горного склона. Он поднялся выше, ища полотно больших размеров, но удачно сверзился с непрочной лестницы в самом начале своей работы, пока рисовал днище, что не привело к тяжёлым телесным повреждениям, но и не способствовало возникновению нового прилива вдохновения. Когда он оправился от полученных ушибов, на совете старейшин было решено, что духи препятствуют проведению этой работы,

и её прекратили. Охру, которую он успел нанести на плоские камни, скоро смыло дождём.

Время неспешно потекло дальше. Ничто не беспокоило пасторальную тишину забытого всеми уголка. Паруса изредка появлялись на горизонте, но лишь затем, чтобы скрыться в синем мареве. Позже вместо них на горизонте стали появляться огромные чудища, с дымящими трубами. Это было непонятно и страшно, но угроза быстро проходила мимо, также бесшумно, как появлялась. К дымам, поднимавшимся прямо из моря, привыкли и перестали от них прятаться. Жители острова гурьбой не высыпали на пляж; дети не карабкались на высокие пальмы, чтобы оттуда наблюдать за дымами.

За долгие годы ни один корабль, не бросил якорь в этих водах. Лишь белые буруны чётко очерчивали гряды прибрежных рифов – замкнутым кругом они огибали остров.

Но как-то утро жители услышали навязчивое жужжание. Высоко в небе они увидели чёрную точку. Вскоре она увеличилась в размерах и приблизилась к острову. Гул усилился, жители повыскакивали из хижин – зелёное туловище огромной птицы повисло над ними. Оно медленно продвигалось вперёд, не двигая распластанными в стороны крыльями. Жители попрятались за стволами пальм.

Птица поднялась выше и описала над островом широкий, плавный круг. Её движение стало ещё медленнее, настолько, что, казалось, она повисла в воздухе неподвижно. В этот момент от неё отделился белый купол. Птица неуверенно

двинулась дальше. Скоро она клюнула носом и устремилась вниз. Белый купол и на треть не опустился к земле, как чудище воткнулось в гору. Последовал взрыв – высоко в небо взметнулся огненный смерч.

Как бы сильно не были поражены жители острова, они пришли в ещё большее изумление, когда под куполом парашюта увидели висящего на тонких нитях человека. Они не прятались – человек был один. Он мирно висел в воздухе, не производя никакого шума.

Сжатыми ногами он хлопнул о прибрежный песок, чем-то щёлкнул, растёгивая на животе широкие ремни, собрал в комок верёвки, и смял купол, вяло наполняемый ветром с моря.

Жители острова изготавливали гарпуны и били ими рыбу. Были у них и копья, которые они метали в свиней на горных склонах. Когда пилот направился к ним, они похватали своё не хитрое оружие и подступили к нему. Возможно, дело происходило не так: они скрылись и долго выслеживали его, и только потом отважились пойти на приступ. Во всяком случае, первая встреча не была мирной. Так оценили учёные охватившее аборигенов смущение, когда их расспросили об этом. Пилот был конкретнее. Он сказал, одарив спрашивавшего его об этом молодого человека широкой улыбкой:

– У меня был пистолет и ракетница.

Он не потерял присутствия духа. Прodelанный им трюк не был новацией в общении с дикими племенами. Он что-

то выкрикнул на непонятном островитянам языке, достал из кармана короткую трубку, за что-то дёрнул, и в небо с грохотом взвился красный огненный шар. Описав в небе дугу, шар начал медленно спускаться. Островитян охватил ужас, они побросали своё оружие и бросились врассыпную, не разбирая дороги.

Женщины, старики и дети быстро покинули деревню. Все они собрались на горной дороге и поднялись к своим потайным шалашам. Лишь несколько мужчин остались следить за действиями сошедшего с неба человека.

Пришелец понимал, что произвёл значительный переполох в жизни местного населения. Он не слишком опасался аборигенов, полагаясь на две запасные обоймы, и пять сигнальных ракет. Горючего в баках оставалось мало, и он понимал, что ему не дотянуть до американской базы. По радиации он передал свои координаты и чётко слышал ответ, что его будут искать на этом острове. Ему надо было продержаться здесь неделю, максимум две.

Пилот обошёл деревню и нашёл остатки еды, среди которых было мясо. Окончательно он успокоился, когда обнаружил шкуры свиней, натянутые на воткнутые в землю палки так, чтобы они дубились на ветру и под действием солнца. Он знал, что питающиеся мясом животных племена не людоеды. Варёво в одном из котлов было отвратительным, но для утоления голода оно подошло. Он понимал, что дикари скоро не выдержат жгучего любопытства и сами выйдут

из кустов, за которыми они прячутся, и тогда с ними будет проще найти общий язык, а его попытка разыскать их будет истолкована как агрессия. Поэтому он расположился на пляже, под ближайшим к морю деревом и спокойно уснул.

Его спокойствие — он не опасался агрессивных действий — произвело на аборигенов не меньшее впечатление, чем стрельба из ракетницы. Через пару часов он проснулся и помахал руками, разминая плечи. Это движение, ввиду своей непонятности, также было занесено, в разряд особых деяний, имевших культовое значение. Потом он прошёлся вдоль кромки моря и заглянул в деревню, где внимательно осмотрел крайнюю хижину и ознакомился с её примитивной конструкцией. На шестах перевязанных полосками коры, были укреплены широкие банановые листья. Из них были сделаны и крыши, и стены. У хижины он подобрал пару кокосовых орехов и неумело добрался до их мякоти. Перекусил. Точнее сказать, заполнил пустоту в желудке и был готов к работе.

Начал он с того, что отрезал стропы от парашюта и сплёл из них прочную верёвку. Это заняло у него довольно много времени. Солнце уже клонилось к закату, когда он встал, измерил её шагами, и остался доволен тем, что у него получилось.

Первую ночь на острове он провёл на берегу моря, постелив на песке одну часть парашюта, и накрывшись другой его частью. Утром, ещё испытывая сонную вялость, он расслабленно прошёл двести метров, отделявшие его лежбище от

домов из банановых листьев. Глиняный кувшин, из которого он вчера ел мясо, куда-то исчез. Осталось только остывшее кострище. Он поел рыбу, развешенную на тонкой, сплетённой из коры, верёвке. Её тоже можно было приспособить для своих нужд.

После скромного завтрака дело пошло споро. Он нарубил тесаком шести и связал из них каркас, который обтянул полотнищем парашюта. Место для своей палатки он выбрал невдалеке от деревни – поближе к морю и повыше, на песчаной дюне. Этим он удивил островитян, знавших причуды местного климата. У пилота, однако, был свой расчёт: оттуда было удобно наблюдать за горизонтом. Он надеялся увидеть какое-нибудь проходящее мимо судно.

Три дня лазутчики наблюдали за ним, не предпринимая никаких действий, и, когда убедились, что пришелец обосновался здесь надолго, решились выйти из кустов. Сплочённой группой подвигались они в его сторону, делая недолгие остановки, для оценки действий противника.

Заметив их приближение, пришелец, как и в первый раз, был совершенно спокоен. Он продолжал сидеть в прежней позе, рассматривая океан. Немного подождал и сделал аборигенам приглашающий жест рукой, а когда те приблизились к нему ещё на сотню шагов, встал и, помедлив, направился на встречу. Рука пришельца, извергнувшая огонь, была пуста. Островитяне опустили копья и гарпуны.

Контакт, как бывает в таких случаях, установился быстро.

Отсутствие хоть какой-то общности в языках не помешало – в ход пошли жесты. Пилот скоро понял, что объяснить островитянам, откуда он пришёл, что он делал на небе и, как дотянул самолёт до их острова на последних каплях бензина, невозможно. Местные жители ничего не знали об остальной части планеты, и о людях, населяющих её.

Присутствие пришельца сначала смущало аборигенов. Не все решились приблизиться к нему – большинство наблюдало за ним издали. Напряжение сняли дети. Они скоро перестали бояться его и стали воспринимать как объект для своих игр, к чему он относился снисходительно. Кроме того, они легче, чем взрослые, повторяли не знакомые звуки, произносимые им, ловко подражая движениям его губ, чем забавляли своего учителя.

Он любил детей и проводил с ними много времени, чем удивил аборигенов – они не уделяли своим отпрыскам такого внимания. Но поступать так его заставляли и другие соображения. Он не представлял себе иерархию среди членов племени и боялся обидеть их какой-нибудь просьбой или поручением. А дети везде дети. Если обставить дело как игру, можно уговорить их сделать любую работу, не опасаясь вызвать их недовольство. Они натащили на берег огромную кучу хвороста – пилот собирался поджечь его при появлении какого-нибудь судна. Они показали ему банановую рощу. Тяжёлыми широкими банановыми листьями он прикрыл колеблющуюся от ветра парашютную ткань на стенах и на

крыше своей хижины. Дети, сидя рядом с ним на песчаной дюне, подолгу вглядывались вдаль. Он надеялся, что зоркие глаза маленьких островитян заметят проходящее мимо судно или пролетающий самолёт.

Вечерами он приходил в деревню и подолгу, используя жесты, беседовал со старейшинами, стараясь выказывать вождю особенное почтение. Эти посиделки развлекали его и одновременно успокаивали: общение с местным было дружеским. Пилот понимал, что каждый прожитый на острове день менял его положение случайного гостя. Если бы он прожил на острове продолжительный срок, то рано или поздно ему пришлось бы занять среди них какое-то положение, но он не представлял себе какое именно и старался об этом не думать.

Но время шло и его беспокойство росло. Пилот рассчитывал пробыть на острове неделю-другую, не более того. Военное ведомство, однако, не спешило ради него одного организовывать полноценную спасательную операцию. Про него не забыли, но ждали, пока подвернётся оказия, и какой-нибудь корабль окажется в том районе.

Чтобы как-то успокоить себя, он решил предпринять восхождение на гору и разыскать останки самолёта. Получить на это разрешение вождя казалось пилоту необходимым, и он обратился к нему с монологом, составленным почти из всех слов, которые знал на местном диалекте. Для вящей убедительности он разыграл небольшую пантомиму, в которой в

качестве провожатого выступал один из мальчишек.

Его хорошо поняли. Просьбой пилот поставил вождя в затруднительное положение: не следовало бы пропускать пришельца вглубь острова, но просил человек, сошедший с неба. Об этом пришелец не думал, он не подозревал о значении своего необычного появления на острове. Обращение пришельца небожителя к вождю не унизило того в глазах островитян: и Боги могут спросить о дороге в джунглях. Желание посетить то место, куда рухнула страшная птица, показалось вождю демонстрацией бесстрашия и силы.

В проводники вызвался юноша лет четырнадцати, которому хотелось смелым поступком подтвердить свою взрослость. Вдвоём они проделали утомительное путешествие на гору. Пилот сначала подумывал устроить ещё один завал из хвороста на самой вершине, но в том не было смысла: путь от дюны, с которой он, вместе со своими помощниками, наблюдал за морской синью, занял бы полдня. За это время любое судно скрылось бы с горизонта.

Осмотр места аварии ничего не дал. Пилот подобрал несколько кусков металла, пригодных для выделки какого-нибудь инструмента. От рации остались мелкие стёклышки. Самолёт некоторое время скользил по верхушкам деревьев, потом ударился о более толстые стволы и развалился на части.

Вернувшись в деревню, пилот устроился в глубине своей хижины, пытаясь убедить себя в том, что не все островитян-

ки отталкивающе безобразны. В этот момент раздался трубный глас сирены с подошедшего к острову парохода и его приключение закончилось. Жители острова привычно бросились врассыпную. С парохода спустили шлюпку. Когда она приблизилась к берегу, офицер несколько раз выкрикнул в мегафон имя пилота. Это было лишним: его обладатель, заросший бородой, радостно подпрыгивал у кромки прибоя и махал руками.

Прибывшие люди побыли на острове не более часа. Перед отправкой на пароход, пилот подарил юноше, своему провожатому, перочинный нож. Прощаясь с ним, он обещал вернуться, не слишком рассчитывая выполнить своё обещание.

Отдохнув недельку в полковом лазарете, пилот успел принять участие в дальнейших боевых действиях. Но вскоре война кончилась, и он вернулся к себе на родину – то ли в Небраску, то ли в Оклахому.

Прошло лет тридцать. Наш пилот остепенился, обзавёлся приличным брюшком и спокойно проживал на пенсии, когда его разыскали в американской глуши двое молодых учёных – антропологи из Калифорнийского университета. Они занимались изучением племён, проживающих на островах в южных морях. Среди прочих им встретилось необычное племя, исповадовавшее странную религию.

Старейшины этого племени утверждали, что видели Бога лично. Он, якобы, много лет тому назад спустился с неба на

белом облаке, превратившимся по его приземлении в прочную ткань, а серебристая птица, принеся его сюда, сделала огненный выдох и рассыпалась на куски, ударившись о скалы. Бог соорудил из нарубленных им шестов и ткани хижину и прожил в ней от одной луны до другой. Потом он уплыл на большом корабле и пообещал вернуться.

Вождь племени продемонстрировал учёным перочинный нож, подаренный ему Богом. Вождь никогда не носил его с собой и не использовал по назначению. Нож хранился в подобии алтаря, и никому не позволялось прикасаться к священному предмету. Вождь лично, в один из дней полнолуния, начищал до блеска его лезвие, пользуясь песком и сухим тростником. Такие ножи выдавали во время второй мировой войны американским военнослужащим.

Учёные обратились к военным. Им помогли разыскать офицера, награждённого за участие в боях на островах близлежащего архипелага. Пилот с удовольствием поведал учёным своё приключение, как делал это не раз за выпивкой в хорошей компании, когда ему хотелось поднять общее настроение. Со временем его история обросла множеством уморительных подробностей, многие из которых выдумались сами собой, но рассказчику уже казалось, что они произошли на самом деле.

Со своей стороны жители острова создали целый культ поклонения таинственному, необычайно могущественному божеству. Канва событий не претерпела значительных изме-

нений: прилетел на страшной серебристой птице, спустился на облаке, погостил некоторое время и на закате дня уплыл на пароходе. Что же касалось всего того, что умел делать пришелец, то здесь фантазия островитян не знала удержу. Пилот, по-видимому, был достаточно умелым парнем, но он не прорыл за неполный месяц своего пребывания на острове реку, не исцелил, все имевшиеся у жителей, болезни, а, главное, не был же он вечно живущим, как почему-то считали островитяне.

Это последнее обстоятельство было особенно загадочно. Оно и подвинуло учёных разыскать пилота. Им хотелось узнать, что именно он говорил аборигенам о религии. Пытался ли он приобщить островитян к христианству? Ведь верховным божеством на острове почитался Христос, а тот, кто сошёл с неба, был его посланник.

Кроме того, вождь знал особенное заклятие, которое полностью мог воспроизвести только он, и которым пользовался редко. Под большим секретом вождь согласился прошептать его на ухо белолицему молодому человеку, внешне так похожему на его Бога. Несколько английских слов были слиты в одно. Среди них попадались и отчаянные ругательства. На жителей острова заклятие производило парализующее действие.

Пилот искренне старался помочь учёным установить зыбкую грань между правдой и вымыслом. Молодые энтузиасты планировали даже отвести его на остров. Живая беседа мог-

ла пролить свет на становление Бога. Они даже заручились финансовой поддержкой от своего университета. Пилот надолго задумался, когда ему предложили это. Потом улыбнулся грустно:

– Не надо, – сказал он, наконец.

– Не надо, – повторил, он, помолчав немного, – у Бога не должно быть морщин.

И он выставил из кулака большой палец, он обвёл им квадрат перед своим лицом, как бы вырезая свою фотографию.

«Вокруг Света».

Сканировано в 2002 году.

* * * * *

Файл обозначен как «Листы из школьной тетради».

Указана была дата: 1988 г.

Ожидание греет. Она на пару лет старше меня, что мне немного льстит. Она мне не предана, но я благодарен ей за чувство уверенности в себе. Моя первая постоянная женщина. Я знал, что мы расстанемся скоро. Это вызывало лёгкую грусть. Она была тонка и длиннонога. Ей шла мини юбка. Причудливые локоны белых волос, прямой носик, правильный овал лица, глубокие карие глаза, с искорками. Всегда готова рассмеяться. Всё в ней было хорошо. Маленький шрам, от верхней губы к носу, почти не заметен и не портил её. Всегда весела, но, иногда, напускала на себя строгость – примеряла официальное платье. Она так и осталась для меня девочкой в светлой замшевой куртке, замшевых башмачках, с

вельветовой сумкой, перекинутой через плечо. Обнимая меня, она прижималась ко мне всей длиной своего тела.

Я позвонил ей из его квартиры. Немного волновался – набирал номер порывисто.

– Ты встретишь меня у метро? – это такая форма согласия.

– Во сколько? – важно только время.

– Ну, не знаю точно. Вдруг придет клиент. Тогда задержусь.

Ей надо меня немножко помучить.

– Я буду у метро в половину одиннадцатого.

– А если я опоздаю?

– Опаздывай. Буду ждать до утра.

Её смех, как журчащий ручеек прохладный в жаркий день.

– До утра у тебя будет другое развлечение, – и она вешает трубку.

Он спросил меня, чему я возрадовался? Я промолчал.

Пол в его комнате был заложен стопками книг, выше метра каждая. Узенький проход. Можно подойти к дивану, но и там томов сорок.

– Где ты спишь?

– Бывает и на диване. Тогда убираю книги. А то кладу матрас и лежу по верху прямо на книгах. Баб чаще так устраиваю.

Платяной шкаф тоже уставлен до потолка. Дверь его широко не раскрывается. Чтобы достать из него что-нибудь, на-

до изловчиться и протиснуться между книгами.

Уже темнело. В распахнутое окно доносился гул машин, и другие звуки свидетельствовали присутствие жизни в городе. К метро спешили люди.

– О Божественном?

Спросил я, похлопав по сумке, в которую положил пачку листов, которые он мне дал.

– В некотором смысле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.